

Маслихов Владимир

Тайна
планеты
Витраж

18+

Владимир Маслихов

Тайна планеты Витра

<https://litres.ru/74217927>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет войны. Десять лет, пропитанных кровью, пеплом и криками погибших товарищей. Капитан Евгений Воробьёв ненавидит урианцев каждой клеткой тела — яростно, беспощадно, до скрежета в зубах. Их розовая кожа, беззубые рты, шевелящиеся щупальца вместо волос вызывают лишь омерзение. Он видел, как они убивают. Видел достаточно, чтобы не сомневаться: пощады не будет никому.

Урианка Дина, отвечает ему тем же. Для неё люди — безжалостные захватчики, разрушившие её мир. В плену, под его презрительным взглядом, она пылает чистой, незамутнённой ненавистью. Каждое его слово — яд. Каждое движение — угроза. Между ними нет и не может быть ничего, кроме вражды, выжженной годами взаимной резни.

Содержание

Тайна планеты Витра	4
Глава 1. Западня в поясе Гекаты	8
Г	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тайна планеты Витра

Тайна планеты Витра

Галактика не прощает наивности. В 2489 году человечество всё ещё верило в математическую вероятность братьев по разуму, полагая, что пустота космоса слишком велика для войны. Мы ошибались. Война пришла не из-за территорий и не из-за ресурсов. Она пришла в момент святотатства, когда мы ступили на планету, которую считали ничьей, но которая оказалась колыбелью чужого божества.

Теперь на календаре 2500 год. Уже одиннадцать лет система Солнца и система двойной звезды Кеплер-442 объаты пламенем тотального истребления. То, что началось с короткой, кровавой стычки на каменистых равнинах нейтральной Гесперы-9, переросло в бесконечную бойню. Тогда исследовательская миссия «Прометей-12» даже не успела передать сигнал бедствия. Урианцы уничтожили их не как солдат, а как паразитов, осквернивших своим присутствием святыню. Ответный удар земного флота стер с лица Гесперы-9 все следы битвы, но поздно: механизм ненависти был запущен.

Мы называем их урианцами — по имени их родного мира

Ури, планеты вечных бурь и розового тумана. Глядя на них, сложно избавиться от чувства жуткого, искаженного узнавания. Они гуманоиды. Пропорции их тел почти идеально повторяют наши, и в минуты затишья, глядя на труп врага, солдаты содрогаются от того, насколько мы похожи в своей анатомии. Но на этом сходство заканчивается. Их кожа — это палитра заката, в котором угадывается пол. Мужчины Ури — массивные, ширококостные воины. Их торсы, покрытые броней из хитина и закаленного полимера, кажутся высеченными из темно-розового, почти багрового гранита. Они на голову выше среднего землянина, и в их движениях чувствуется невероятная, животная мощь, способная смять стальной шпангоут голыми руками. Женщины же — призрачны и утонченны. Их кожа — яркий, почти светящийся оттенок фуксии, она кажется тоньше лепестка цветка. Глядя на их хрупкие, угловатые тела, легко обмануться, посчитав их слабыми. Это фатальная ошибка. Самые безжалостные снайперы и психокинетики Ури выходят именно из числа женщин.

Но подлинный ужас вызывают не различия в окрасе, а черты, единые для всего вида. У них нет зубов. Ротовая полость представляет собой сплошную костяную пластину с острым режущим краем, за которой начинается глотка. Во время допросов пленные не кричат — они издают низкий, вибрирующий гул, перемалывая слова в этих беззубых, твердых челюстях, словно жерновами. И глаза. Их глаза — это

чистая, незамутненная голубизна, без белков, без зрачков, сплошная сапфировая бездна. Когда человек смотрит в эти глаза, он не видит эмоций. Только абсолютную, бездонную синеву, в которой отражается ваша собственная смерть. Нет ничего более деморализующего, чем целиться в лицо, лишенное зрачка, и понимать, что ты не можешь предугадать его следующий шаг.

Но вершина их биологической чужеродности — тентакли. Вместо волос голову венчает шевелящийся клубок длинных, мускульных щупалец. Они живут своей жизнью. У мужчин это толстые, темно-розовые жгуты, способные задушить человека на расстоянии метра. У женщин — тонкие, почти изящные отростки, реагирующие на малейшие колебания электромагнитных полей. Эти щупальца — не просто органы чувств, это антенны их коллективного разума, оружие последнего шанса в ближнем бою. Когда погибает урианец, его тентакли умирают последними, продолжая судорожно извиваться в пыли, словно до последней секунды пытаясь дотянуться до связи с родным Ульем.

За десять лет войны мы научились ненавидеть их биологию так же сильно, как и их технологии. Мы сжигаем их, потому что бомбардировка должна быть гарантированной. Тентакли регенерируют, и только полное испепеление останавливает этот процесс. Мы штурмуем их корабли в экзоске-

летах, потому что знаем: если урианец окажется рядом и его щупальца коснутся шлема, ты услышишь скрежет разрываемого металла и свой собственный крик.

Эта война перестала быть вопросом дипломатии на второй год. Сейчас, в 2500 году, никто не ищет перемирия. Война перешла в метастазы. Земные колонии на Марсе и Титане превращены в крепости, а орбита Ури затянута поясом из обломков наших флотов и их роящихся истребителей. Это хроника не просто галактического конфликта. Это хроника того рокового дня, когда мы нашли братьев по разуму и поняли, что они — наше самое страшное, искривленное отражение.

Глава 1. Западня в поясе Гекаты

Холод пустоты — лучший союзник терпеливых. В поясе астероидов Гекаты, где мертвые глыбы камня дрейфовали в вечном молчании, земной фрегат «Ярополк» висел без движения уже восемнадцать часов. Реакторы заглушены до уровня фонового излучения, системы жизнеобеспечения переведены в эконом-режим, а корпус корабля намертво пристыкован к бесформенному обломку скалы, чтобы слиться с ним воедино на вражеских сканерах. Капитан Евгений Воробьёв стоял на мостике, уперев руки в тактический стол, и смотрел на трёхмерную проекцию окружающего пространства. Его карие глаза, холодные и сосредоточенные, отражали мерцающие линии вероятных курсов противника. Гладко выбритое лицо с ровными, почти скульптурными чертами не выражало ни тени сомнения. Светлые волосы, стриженные под аккуратный полубокс, лишь подчеркивали дисциплину, которая всегда была присуща его телу, но не всегда — его языку.

— Данные подтверждены, товарищ капитан, — раздался голос старшего лейтенанта-связистки Анны Зиминой. — Всплеск тахионной активности в секторе семь-четыре. Это они. Идут точно по маршруту, который мы расшифровали.

Воробьёв кивнул и едва заметно усмехнулся. Пять лет войны научили его одной простой истине: урианцы предсказуемы в своей тактике, пока считают себя умнее всех. Их самоуверенность стала их проклятием. Сегодня этот маршрут, гордо проложенный через якобы безлюдный сектор, превратится в огненный коридор.

— Активировать «Фантом», — скомандовал он, выпрямившись. — Ждать моего сигнала.

«Фантомом» на военном жаргоне называлась система ложных астероидов — дроны-имитаторы, напичканные взрывчаткой и отражателями. По команде они отделились от корпуса «Ярополка» и хаотично разошлись в стороны, создавая видимость естественного дрейфа. Когда на радарх проявился боевой корабль урианцев — хищный, изломанный силуэт, похожий на ритуальный кинжал из розового металла, — земляне затаили дыхание. Корабль урианцев двигался медленно, уверенно, не ожидая атаки в этом забытом богами секторе. Он подошёл к скоплению ложных астероидов почти вплотную.

— Ослепить! — рявкнул Воробьёв.

И космос превратился в сгусток чистой, нестерпимой бе-

лизны. «Фантомы» сработали синхронно: сдетонировали без осколков, но с мощнейшей электромагнитной и световой вспышкой, умноженной отражателями в сотни раз. Сенсоры урианцев, рассчитанные на тепловые сигнатуры и движение, захлебнулись лавиной помех. Их корабль, только что величественный и грозный, превратился в слепого, дезориентированного зверя. Он резко затормозил, щупальца его антенн-манипуляторов беспомощно замерли.

Этого мгновения хватило. «Ярополк» сбросил маскировку и ожил. Орудийные порты раскрылись, и пространство пронзили тонкие, смертоносные лучи лазерных пушек. Первый залп пришёлся точно в корму — туда, где билось сердце вражеского корабля. Броня вспыхнула, начала плавиться, и из рваной раны вырвался сиреневый дым разгерметизации.

— Двигатель подбит! — доложил оператор-оружейник с плохо скрываемым торжеством. — Маневрировать не сможет. Они в ловушке.

— Абордажным группам — полная готовность, — Воробьёв развернулся к двери, на ходу застёгивая гермошлем. — Рота «Стрела» — за мной. Идём на стыковку. Быстро. Не дайте им опомниться.

Транспортный челнок с абордажной группой вонзился в

бок урианского корабля, словно клещ. Болты плазменных резаков вгрызлись в чужой металл, прожигая проход. Капитан Воробьёв первым шагнул в дымящийся пролом, держа на плече импульсную винтовку. Эффект неожиданности, который он так пестовал, оправдал себя полностью. Внутри царил хаос: мигающее аварийное освещение заливало коридоры багровым, урианцы метались, пытаясь организовать оборону.

Но они быстро пришли в себя. Урианцы никогда не были трусами.

Первая волна сопротивления обрушилась на землян из бокового прохода. Мужчины Ури — тёмно-розовые, массивные, словно высеченные из камня, — с рёвом бросились в рукопашную. Их щупальца, заменявшие волосы, взметнулись вверх и со свистом рассекли воздух, пытаясь захлестнуть шлемы десантников. Один из солдат Воробьёва не успел пригнуться. Толстое щупальце обвило его горло, сжало с нечеловеческой силой, и композит шлема жалобно затрещал. Воробьёв выстрелил, не целясь — импульсный разряд прошёл щупальце насквозь, и тот, обрубленный и извивающийся, брызнул розовой кровью. Урианец взревел от боли, но рванулся вперёд, перекрывая проход своим телом, чтобы дать товарищам время.

Схватка была жесточайшей. В узких коридорах, где не развернуться, преимущество внезапности было единственным, что спасало землян от превосходящей физической силы урианцев. Лазерные винтовки плевались смертью, прогрызая дыры в хитиновой броне пришельцев. Урианцы, лишённые зубов, но обладающие костяными пластинами во рту, пытались таранить врага головами. Один из них, потеряв оружие, вцепился руками в доспехи сержанта и начал сжимать, пока рёбра не хрустнули. Товарищи тут же изрешетили его.

Бой распался на десятки локальных стычек. Повсюду слышались крики, ругань, треск разрядов и влажный хруст разрываемой плоти. Женщины-урианки, хрупкие с виду, ярко-розовые, словно орхидеи, оказались смертоносны. Их длинные щупальца двигались быстрее, чем у самцов, и служили им дополнительными конечностями. Одна из них, закрепившись под потолком, расстреливала землян из биотического оружия, сплетённого из органики, и положила троих, прежде чем её сняли прицельным огнём.

И всё же земляне давили. Они прошли через машинное отделение, перебили охрану и захватили рубку. Но в главном грузовом ангаре наткнулись на яростный очаг сопротивления, который грозил перемолоть наступающих. Урианцы забаррикадировались за контейнерами и вели шквальный

огонь, прижав роту к полу. Атака захлебнулась.

Именно в этот переломный момент в ангар вошёл капитан Воробьёв.

Он появился не через главный вход, где его ждали. Изучив схему корабля ещё на подлёте, Евгений повёл ударный кулак через технический туннель, обошёл вражескую позицию с тыла. Урианцы, сосредоточенные на фронтальной атаке, не заметили угрозы, пока за их спинами не начали рваться светозвуковые гранаты. Воробьёв двигался быстро, расчётливо, как на тренировке. Его винтовка работала безостановочно, выкашивая вражеских стрелков одного за другим. В гуще боя он не прятался за спины солдат. Заметив, как один из его бойцов замешкался, уклоняясь от щупалец, Воробьёв сам рванулся вперёд, поднырнул под атаку и выстрелил врагу в подбородок, в незащищённую щель между шлемом и нагрудником. Оставшиеся урианцы, увидев, что их окружили и что их командир убит, начали колебаться. Соппротивление посыпалось.

Через двадцать минут бой был закончен. Ангар наполнился запахом горелой плоти и озона. Больше половины урианцев лежали мёртвыми. Их щупальца, умирая последними, ещё слабо подрагивали в лужах розовой крови. Остальные, выжившие, были согнаны в центр помещения под дулами ав-

томатов. Они стояли молча, смотрели на землян своими полностью голубыми, лишёнными зрачков глазами, в которых нельзя было прочесть ничего — ни страха, ни мольбы. Только бездонная сапфировая пустота.

Воробьёв стянул шлем, подставив разгорячённое лицо прохладному воздуху. Он обводил взглядом ряды пленных, и на его лице читалась лишь высокомерная, брезгливая злость. Он ненавидел их. Ненавидел за каждого потерянного солдата, за пять лет непрерывной бойни, за то, что они заставили человечество оскалить зубы в ответ. Его взгляд был полон презрения.

И тут он наткнулся на неё.

Она стояла в первом ряду. Женская особь, ярко-розовая, с тентаклями столь длинными, что они спускались ниже колен, образуя за её спиной живое, слабо колышущееся покрывало. Её фигура была почти неправдоподобно тонка в талии, но бёдра и грудь, обтянутые лёгкой бронёй, создавали изгиб, напоминающий земную цифру восемь — плавный, текучий, чужеродный и в то же время завораживающий. Она не смотрела на него враждебно. В её голубых глазах, лишённых зрачков, Воробьёв вдруг различил то, чего не замечал у других урианцев — глубокую, застарелую грусть. Она была напугана и подавлена, но в её позе не было мольбы. Только

тихое достоинство.

Этот мимолётный интерес к её личности обжёг Воробьёва изнутри. Он одёрнул себя и заставил взгляд снова стать холодным. «Это враг. Все они — враги», — напомнил он себе. Но тугие, бесконечно длинные щупальца этой урианки почему-то намертво врезались в память. Позже он узнает её имя из допросных листов — Дина.

Но в тот момент его размышления прервал гнусный, громкий смех. Из соседней роты, с которой они скоординировались при штурме, вышел рядовой — здоровенный, с бычьей шеей и погонами, на которых виднелись нашивки штрафника. Он был из тех, кого Воробьёв презирал больше всего: трус в бою и герой с безоружными. Рядовой, грязно ухмыляясь, прохаживался вдоль строя пленных. Он выкрикивал оскорбления, плевал под ноги урианцам, наслаждаясь своей властью. Воробьёв молча наблюдал. Он считал, что пленным не нужно сочувствие, и не собирался вмешиваться, пока унижения оставались словесными.

Но гнусный рядовой на этом не остановился. Его взгляд упал на Дину. Он шагнул к ней, схватил за горло своей ладонью и резко подтянул к себе. Её тонкая шея почти исчезла в его кулаке.

— Эй, розовая, — прорычал он, дыша ей в лицо перегаром, хотя по уставу пить перед операцией запрещалось. — Ты будешь всю ночь безудержно меня ублажать. Поняла? Всю. Ночь. Надоело уже стрелять, хочется развлечься с твоими тентаклями.

Воздух в ангаре загустел. Бойцы роты Воробьёва напряглись, косясь на своего капитана. Бойцы соседней роты, наоборот, загоготали. Дина задрожала, её щупальца инстинктивно обвили руку насильника, но не атакуя, а лишь пытаюсь ослабить хватку. В её абсолютно голубых глазах впервые мелькнул настоящий, животный ужас.

Воробьёв не стерпел. Справедливость, вбитая в него с детства, и брезгливость к мерзкому поведению сработали быстрее, чем рассудок. Он сделал два быстрых шага. Его лицо, обычно полное презрения к врагу, теперь исказилось отвращением к своему.

— Отставить! — рявкнул он, и рядовой повернул к нему свою тупую морду.

— Чего? Капитан, не лезь, это моя добыча...

Договорить он не успел. Евгений Воробьёв, не соблюдавший субординацию ни с начальниками, ни с подонками, вло-

жил весь свой праведный гнев в один-единственный удар. Кулак врезался в челюсть наглеца с тошнотворным хрустом. Глаза рядового закатились, и он мешком рухнул на палубу, отправившись спать глубоким нокаутом.

Атмосфера мгновенно накалилась до предела. Бойцы штрафной роты схватились за оружие и двинулись на Воробьёва. Его люди, не раздумывая ни секунды, вскинули стволы, прикрывая своего командира. Ещё мгновение — и кровь полилась бы уже между землянами, прямо над головами пленных урианцев.

Но неожиданно прогремел громopodobный окрик:

— Стоять! Всем застыть!

В ангар, чеканя шаг, вошёл полковник Кротов. Высокий, сухой, с седыми висками и ледяным взглядом профессионального службиста. Он оглядел сцену: поверженного рядового, капитана с сбитыми костяшками пальцев, две роты на грани перестрелки.

— Воробьёв, — процедил полковник, и в его голосе не было ни капли уважения, только старая, застарелая неприязнь к выскочке, который ставит себя на одну доску с солдатами. — Опять вы. Докладную о вашем самоуправстве я прило-

жу к вашему личному делу лично. А пока — убрать оружие. Пленных в карцер. Этому, — он брезгливо кивнул на лежащего, — в лазарет. Конфликт исчерпан. Всем разойтись.

Роты неохотно, но подчинились. Воробьёв выдохнул, растирая ушибленную руку. Он снова посмотрел на Дину, которую уже уводили вместе с остальными, и на мгновение их взгляды встретились. В её глазах всё ещё стоял страх. А ещё — то самое презрение, которое он сам испытывал к ней.

Спустя несколько часов на «Ярополке» царила совсем иная атмосфера. В кубрике роты «Стрела» гремела музыка, звенели стаканы с разрешённым синтетическим элем. Шестьдесят мужчин и сорок женщин под командованием Воробьёва отмечали победу. Это был их последний бой перед долгожданным отпуском, и напряжение спадало. Воробьёв сидел прямо на столе, без кителя, в одной серой футболке, обтягивающей его рельефный торс — результат постоянных, фанатичных тренировок. Он не пил, но держал в руке кружку с тоником, смеясь над чьей-то грубой шуткой. Здесь, среди своих, он был не строгим командиром, а своим парнем. Он хлопал мужчин по плечу, искренне хвалил каждого за проявленную в бою доблесть, разбирал ошибки с тактом наставника, а не с гонором начальника.

— Саня, как ты того верзилу снял, это было нечто! — го-

ворил он сержанту Удолову, чьи руки ещё слегка дрожали после рукопашной. — Но в следующий раз не лезь вперёд без прикрытия, геройствовать надо с умом.

За это его и обожали солдаты. И за это же ненавидели штабные офицеры. Воробьёв не умел и не хотел соблюдать дистанцию с подчинёнными. Для него они были равными, просто с разными обязанностями. Эта черта характера, смешанная с острым языком и неумением прогибаться, уже много лет держала его в чине капитана, не пуская выше. Но Евгения это устраивало. Он хотел воевать, а не протирать штаны в штабе.

Девушки из роты бросали на него откровенные взгляды. Миловидная блондинка-связистка Ирина Лемских, улучив момент, подсела слишком близко, положив ладонь ему на колено.

— Товарищ капитан, может, отметим победу в более уединённой обстановке? — промурлыкала она. Евгений мягко, но непреклонно убрал её руку.

— Ирина, ты сегодня прекрасно воевала, — улыбнулся он, заглядывая в её глаза. — И оставайся прекрасным бойцом. Я не смешиваю службу и удовольствие в своей роте. Сама знаешь.

Это была его железная заповедь. Спать с женщинами из

других рот или с офицерами из штаба — сколько угодно. Но никогда — со своими. Подчинённые должны чувствовать себя в безопасности, а не быть объектом охоты командира. Это вызывало уважение даже у тех немногих в роте, кто его недолюбливал.

Праздник был в самом разгаре, когда корабль содрогнулся от удара. Взыла сирена тревоги. Стаканы посыпались на пол, лица мгновенно стали серьёзными. Урианцы, получив сигнал бедствия от своих товарищей ещё до того, как тех взяли в плен, прислали карательный отряд. Два лёгких крейсера вынырнули из подпространства и открыли огонь.

— По боевым постам! — заорал Воробьёв, срываясь с места.

«Ярополк» среагировал блестяще. Не принимая неравного боя, капитан корабля приказал немедленно выпустить резервную ослепляющую бомбу и уходить в разгон. Но пока длилась суматоха и вся энергия шла на щиты и двигатели, силовые решётки карцера на мгновение моргнули. Этого хватило. Несколько военнопленных урианцев, используя свои биологические особенности и фатальное везение, сумели вырваться. Бунт в карцере поднял на ноги всю охрану. Схватка была жестокой, но короткой. Большинство беглецов перебили или обезвредили. Однако одна фигура, ловкая и

отчаянная, проскользнула сквозь вентиляционные шахты в ангар аварийных звездолётов.

Это была Дина. Её длинные, до колен, тентакли помогали ей цепляться за трубы и бесшумно передвигаться в темноте. Она забралась в одноместный челнок, её тонкие пальцы пробежали по незнакомой сенсорной панели. Загорелись огни запуска.

Полковник Кротов, получив доклад, немедленно вызвал Воробьёва на мостик.

— Ваша выходка в ангаре создала нам проблему, капитан, — процедил он, не глядя на Евгения. — Беглая урианка угнала аварийный борт. Приказываю собрать группу из вашей роты, догнать и уничтожить её. Нечего ей болтаться в космосе и выдать наши координаты.

Воробьёв взглянул на тактический монитор. Маленькая точка аварийного челнока быстро удалялась в сторону ближайшего скопления аномалий. Это был лёгкий кораблик, не боевой. У него не было оружия и почти не было щитов. Зачем гонять целую группу ради одной испуганной урианки?

— Товарищ полковник, — Воробьёв встал по стойке смирно, но в голосе его звенела та самая, невыносимая для

начальства дерзость. — Нет смысла посылать группу. Это всего лишь одноместный челнок. Я пойду один.

Кротов наконец повернулся к нему. В его взгляде читалось желание разжаловать нахала на месте, но обстановка не позволяла.

— Считаете, что справитесь в одиночку, Воробьёв?

— Так точно, товарищ полковник. Зачем отвлекать людей от ремонта и обороны? Это пустяковая задача. Я догоню её, разберусь и вернусь.

Полковник медлил, буравя его взглядом. Затем кивнул.

— Действуйте. Но помните: она — враг. Если не сможете взять — ликвидируйте. И ради всего святого, капитан, постарайтесь на этот раз не вляпаться в очередную историю.

Евгений Воробьёв усмехнулся краем рта, надел шлем и направился в ангар к своему истребителю-перехватчику. Он не знал, зачем на самом деле летит за ней один. Догнать, остановить, вернуть — это был долг. Но где-то глубоко внутри, запрятанное под годами боевой ненависти, шевельнулось воспоминание о её грустных глазах. Он задавил это чувство на корню и запрыгнул в кабину.

Двигатели взревели. Охота началась.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.